

впечатление портят отсутствие указателей и пренебрежительное отношение к оформлению сносок. Но несмотря на отмеченные недостатки, книга А.В. Пыжикова достигла своей цели – она вызывает интерес и заставляет размышлять над затронутыми автором вопросами.

Фёдор Селезнев: Старообрядчество как контрэлита³

В современной историографии ощущаются тоска по «большим теориям» и потребность в новой историософской картине периода, предшествовавшего 1917 г. «Грани русского раскола» А.В. Пыжикова – это прежде всего историософия, а потом уже всё остальное. Автор книги исходит из того, что в результате Раскола XVII в. Россия «разделилась внутри себя», и в ней образовалось два социума с различной социальной и культурной идентификацией (с. 628). Однако в XVII в. возникло скорее не два социума, а две элиты (точнее, элита и контрэлита) в одном обществе. Согласно теории В. Парето, контрэлита – это психологический тип социально активных людей, обладающих всеми необходимыми данными, чтобы претендовать на власть, но лишённых такой возможности из-за непроницаемости правящей элиты. Пока пути к власти остаются для таких людей открытыми, контрэлиты не возникает, поскольку отдельные недовольные малочисленны и недостаточно весомы. Но по мере замыкания правящей элиты в себе стремящиеся к власти и оказавшиеся вне её деятели начинают консолидироваться в сплочённую группу, приобретают силу и становятся «контрэлитой». Постепенно она подыскивает себе идеологическую базу, противопоставляя её мировоззрению правящих кругов, и в какой-то момент свергает их власть и устанавливает своё господство.

Старообрядчество формировалось именно как контрэлита, поскольку только социально активные люди уходили «в раскол». До конца XVII в. у старообрядческой контрэлиты имелся шанс поменяться местами с никонианской элитой. Затем старообрядцы стали антиэлитой, т.е. социально активной частью общества, которой нужна не власть как таковая, а независимость от чужой власти. Антиэлита, как и контрэлита, отличается повышенной активностью по сравнению с «массами» («неэлитой»), но при этом она не способна преобразовать свой разрушительный потенциал в созидательный и овладеть властью. Тем не менее её поддержка необходима контрэлите для победы над элитой, и заигрывание противников самодержавия со старообрядцами было отнюдь не случайным. А.В. Пыжиков глубоко и подробно разбирает этот вопрос (с. 72–101), вводя в научный оборот ряд интереснейших архивных материалов из фондов ГА РФ и РГИА. Однако его попытку объяснить стремление революционеров использовать раскол в своих целях врождённой приверженностью староверов к социалистическим идеалам трудно признать удачной.

Здесь едва ли не самое слабое звено концепции автора. Правильно указав, что «староверческий капитализм основан на общинном кредите» (с. 166), Пыжиков затем почему-то превращает его в социализм, утверждая, будто «религиозное течение старообрядчества порождало не капитализм (по аналогии с Европой), а социализм» (с. 185). Но наличие общинного кредита ещё не свидетельствует о том, что старообрядческие общины являлись очагами социализма. Вопрос же о том, насколько они могли распоряжаться собственностью отдельных своих

³ Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00032.

членов, нуждается в специальном исследовании. Вызывает большое сомнение и то, что «с середины 30-х годов XIX столетия власти с удивлением обнаружили в жизни прогрессирующего раскола черты, зримо напоминающие коммунистические идеалы общественной собственности и управления» (с. 186). Во всяком случае, никаких официальных документов, в которых представители власти выражали бы обеспокоенность коммунистическими идеалами старообрядцев, автор не упоминает. Между тем правительственных чиновников беспокоили не столько симпатии староверов к социализму (представления о котором в 1830–1840-х гг. были довольно смутными), сколько использование ими своих финансовых ресурсов для совращения в раскол прихожан господствующей Церкви⁴.

Нет ни малейших оснований считать, будто репрессии, обрушившиеся на старообрядцев в царствование Николая I, носили антикоммунистический характер. На них скорее влияли внешнеполитические соображения. В 1846 г. у поповцев появился собственный митрополит. Центр митрополии (Белая Криница) находился в Австрийской империи, и в её пастве стали видеть потенциальную угрозу, опасаясь влияния на неё со стороны иностранного государства. В России начали тщательно изучать количество и размещение «раскольников», закрыли старообрядческие скиты на Керженце. Именно в этом контексте следует рассматривать и передачу Успенской церкви на Преображенском кладбище единоверцам, и запечатывание алтарей на Рогожском кладбище, и издание положения 10 июня 1853 г. «О ненаграждении раскольников знаками отличия и почётными титулами и о принятии их в гильдии на временном праве» (помимо прочего купцы-старообрядцы лишались такой важной привилегии, как освобождение от рекрутской повинности).

А.В. Пыжиков справедливо указывает, что данное положение сыграло в истории старообрядчества очень важную роль. Одних предпринимателей оно подтолкнуло перейти в единоверие (с. 190), а других заставило нарочито демонстрировать свою лояльность к власти (с. 191). Наиболее ярко эта тенденция проявилась в 1862–1863 гг. В 1862 г. московский старообрядческий архиепископ Антоний (Шутов) подписал знаменитое «Окружное послание», в котором предписывал своим духовным чадам молиться о здравии российского императора, поскольку синодальная Церковь верует в того же Бога, что и старообрядцы. В 1862 и 1863 гг. староверы обращались к Александру II с верноподданическими адресами, а он принимал их представителей. В результате в 1864 г. царь создал Особый временный комитет по делам о раскольниках во главе с гр. В.Н. Паниным, а затем вновь разрешил старообрядцам записываться в гильдии и торговать на общих основаниях. Их вновь стали допускать к общественным должностям и представлять к наградам и знакам отличия (с. 202–203).

В итоге, полагает Пыжиков, произошли «деморализация хозяйственной модели раскола» и «переформатирование староверческой системы» (с. 194–196). Если раньше главенствующую роль в ней играли «советы, наставники, попечители», то теперь наиболее влиятельными становились те, кто управлял своим торгово-промышленным делом, и их наследники (с. 194). Так происходила трансформация «социально ориентированного хозяйства в чисто капиталистическую экономику» (с. 293). Пыжиков убеждён, что раньше у старообрядцев

⁴ Мельников П.И. Очерки поповщины // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М., 1976. С. 408–409; см. также: Архитова Е.А. Купцы-старообрядцы и чиновники: из истории бюрократизма и взяточничества в царствование Николая I // Новый исторический вестник. 2010. № 25(3).

действовал принцип «твоя собственность – есть собственность твоей веры» (с. 169–171) и «раскольничьи наставники» или «советы» могли произвести смену собственника крупного коммерческого предприятия (с. 193). Теперь же «юридический фактор становился всё более весомым аргументом», а возможности общин управлять «своими торгово-экономическими сетями» резко снижались, вследствие чего с 1860-х гг. «появление новых крупных купцов-старообрядцев практически прекращается, позиции же известных фамилий закрепляются» (с. 193).

Но так ли это было? Попечители, вопреки мнению автора книги, играли важную роль в разных сферах жизни старообрядческих общин вплоть до революции 1917 г.⁵ Фабрики и капиталы обычно переходили по наследству, но из этого правила были исключения, как до, так и после 1860-х гг. Так, нефтетранспортную флотилию вдовы С.М. Шибаяева в конце XIX в. приобрёл Д.В. Сироткин явно ниже рыночной стоимости благодаря кредиту братьев Рябушинских⁶. Старообрядческое купечество и в XIX, и в начале XX в. являло примеры организации социально-ориентированного хозяйства, но в рамках капиталистической экономики⁷. Новые крупные предприниматели выходили из старообрядческой среды не только в первой, но и во второй половине XIX в. Яркий пример – тот же Д.В. Сироткин, чья звезда взошла в 1890-х гг.⁸

Вместе с тем с 1864 г. старообрядцы в большинстве своём из антиэлиты превратились в лояльную к власти неэлиту, а «народные капиталисты» из числа старообрядцев даже «обрели поддержку у части правящей элиты, которая представляла славянофильство, а также другие патриотические течения» (с. 633). Правда, «идиллия закончилась довольно быстро – в конце XIX века» (с. 634), когда самодержавие взяло курс «на масштабное привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику» (с. 343). «Оператором этого процесса, – пишет Пыжиков, – естественно стало петербургское деловое общество, чьи банковские структуры при поддержке правительства финансировали создание новых предприятий, устанавливали контроль над многими промышленными активами». В «таком экономическом климате» перспективы старообрядческой буржуазии выглядели «весьма призрачно» (с. 351). Поэтому она, понимая, что «прежняя верноподданническая модель поведения практически исчерпана», перешла в оппозицию (с. 352). Именно московская купеческая верхушка, по словам Пыжикова, стала «для либерально-революционных кругов той опорой, которой им не доставало ранее» (с. 350). Она финансировала РСДРП (с. 397) и партию эсеров (с. 401), «оплачивала формирование партии конституционных демократов» (с. 403) и к осени 1905 г. «являлась не только крайне заинтересованным, но и наиболее подготовленным игроком развернувшегося преобразовательного процесса» (с. 405). Кроме того, она опекала активных членов Государственной думы из числа социал-демократов и трудовиков, включая А.Ф. Керенского (с. 522). В 1915 г. представители мос-

⁵ Селезнев Ф.А. Старообрядческая буржуазия и аграрный вопрос // Клио: Журнал для учёных. 2005. № 1(28); *он же*. Д.В. Сироткин в церковно-общественной жизни старообрядцев белокриницкой иерархии (конец XIX – начало XX вв.) // Записки краеведов. Н. Новгород, 2006.

⁶ Селезнев Ф.А. «Егор Булычов» в роли олигарха: Старообрядцы и русская нефть // Родина. 2008. № 10.

⁷ Седов А.В. Кержаки. История трёх поколений купцов Бугровых. Н. Новгород, 2010.

⁸ Селезнев Ф.А. «Был полезен своей родине...» (Начало предпринимательской деятельности Д.В. Сироткина) // Нижегородская старина: краеведческо-историческое издание. 2004. Вып. 9.

ковского купечества инициировали создание Прогрессивного блока (с. 545) и проявили себя как сторонники наиболее радикальных мер в борьбе с существующим режимом (с. 552). В российском оппозиционном движении образовалось два центра, один из которых, включавший в себя преимущественно политиков и промышленников Москвы, финансировал другой – состоявший из революционеров и «агитировавший массы в чисто социалистическом духе» (с. 578). После Февральской революции настал «звёздный час купеческой буржуазии» (с. 638), получившей, как уверен Пыжиков, контроль над властью, поскольку «список кадетов, социал-демократов (меньшевиков) и эсеров, принявших участие в работе разных составов Временного правительства, практически полностью совпадает с кругом оппозиционных деятелей, собираемых и финансируемых купечеством Первопрестольной в 1912–1916 годах» (с. 639).

Однако был ли конфликт между властью и старообрядцами при Николае II столь острым и жёстким? В 1891–1905 гг. имел место личный конфликт между заправилами старообрядческой Москвы и московским генерал-губернатором вел. кн. Сергеем Александровичем (с. 263–264, 367), принимавшим активное участие в деятельности Особого совещания 1900 г., которое наметило ряд мер против белокрыницкого духовенства (с. 336), и покровительствовавшим «зубатовщине» (с. 323–334). Однако другие представители элиты, включая самого Николая II, действовали по отношению к староверам весьма доброжелательно. Инициативы Особого совещания 1900 г. не имели последствий. С.Ю. Витте предлагал старообрядцам «землю и волю» в районе КВЖД⁹, а В.К. Плеве дал им возможность проводить всероссийские съезды¹⁰, ставшие одним из важнейших явлений в истории старообрядчества начала XX в. К сожалению, Пыжиков пишет о них только в примечаниях (с. 338–339, 458–459) и к тому же игнорирует материалы самих съездов, полностью доверяя неточным полицейским донесениям. В результате автор утверждает, что съезды возникли «в качестве оппозиции крупному купечеству Москвы со стороны старообрядческой провинции» и только в 1905 г. были признаны в Первопрестольной, после чего с 1906 г. стали проводиться на Рогожском кладбище (с. 338–339). Между тем в Москве прошли только два чрезвычайных съезда, а обычные съезды до 1909 г. включительно собирались в Нижнем Новгороде, во время ярмарки¹¹, что было удобно для предпринимателей (в Москве же до 1905 г. созывать их было проблематично из-за позиции вел. кн. Сергея Александровича). Организатор съездов – Д.В. Сироткин – был тесно связан с московскими купцами-старообрядцами Рябушинскими, и уже поэтому увидеть в их проведении какую-то оппозицию столице довольно трудно.

Сироткин и Рябушинский всегда действовали рука об руку. Так, 21 февраля 1906 г. оба они вместе с другими лидерами разных согласий были приняты Николаем II. Царю были поданы адреса с подписями 76 447 старообрядцев, благодаривших его за указ 17 апреля 1905 г., который даровал свободу вероис-

⁹ Об этом см.: *Селезнев Ф.А.* Старообрядческая буржуазия и русское заселение Дальнего Востока в начале XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2004. Вып. 1(2). 2004. С. 315–316.

¹⁰ *Селезнев Ф.А.* «До сего времени нас не признают, а только терпят». Встреча министра внутренних дел В.К. Плеве с уполномоченными старообрядцев. 1903 г. // Исторический архив. 2013. № 3.

¹¹ Подробнее о старообрядческих съездах см.: *Селезнев Ф.А.* Д.В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев в начале XX // Отечественная история. 2005. № 5.

поведания. 17 октября 1906 г. Николай II ввёл в действие положение о старообрядческой общине, составленное на основе пожеланий предпринимателей-староверов. 1906–1916 гг. стали «золотым веком» старообрядчества.

Почему же в это время старообрядцы оказались в составе контрэлиты? Во-первых, путь в элиту для них по-прежнему был закрыт, а во-вторых, в начале XX в. в жизнь вступило поколение, прошедшее через университеты, где господствовал корпоративный оппозиционный дух. Там купеческие дети усвоили духовные ценности интеллигенции. Именно они, а отнюдь не принадлежность к старообрядчеству, и привели их в контрэлиту. Кстати, в середине XIX в. представитель британской фирмы «De Jersey & Co» Л. Кноп начал поставлять в Россию оборудованные под ключ текстильные фабрики, сырьё и всё необходимое для начала производства. Вскоре дети купцов-старообрядцев стали получать образование в Англии и в дальнейшем оказались привязаны к английской культуре (Морозовы – самый яркий, но не единственный пример). Симпатии к Великобритании определили не только тяготение Морозовых и Рябушинских к либеральной оппозиции, но и их неприязнь к недругам и конкурентам Англии, в частности, к немецкому бизнесу. Именно против него выступали в конце XIX – начале XX в. англomanы-старообрядцы, а не против иностранного капитала и инвестиций вообще, как пытается доказать Пыжиков. Война России в союзе с Англией против Германии была встречена ими с восторгом, тогда как сепаратный мир с Германией они считали абсолютным злом, стараясь исключить даже потенциальную возможность подобного развития событий. Характерно, что в этом же направлении действовал и А.В. Кривошеин (женатый на внучке Т.С. Морозова) – пожалуй, единственный человек, представлявший интересы старообрядчества в составе российской элиты.

Фёдор Гайда: Керженский дух

Можно только приветствовать попытку А.В. Пыжикова извлечь историю русского раскола из «этнографического чулана» (с. 5) и привлечь внимание читателей к его политической и социальной «граням», которые к началу XX в. сплетаются в такой тугий узел, что рассматривать их отдельно друг от друга едва ли возможно. В отличие от более раннего времени быстрые экономические и социальные изменения, которые происходили тогда в России, сразу же отражались на политической борьбе. Но до сих пор ещё исследователями не выяснено, как при этом сказывалось разделение страны на раскольничьи «низы» и «никонианское» государство.

Масштабное историческое моделирование сейчас весьма популярно. Автор книги соглашается с теми, кто в событиях русской истории середины XVII в. видит выбор между движением к «национальному государству, гражданству» и путём «служивой бюрократии к наднациональной рабовладельческой империи» (с. 102). Но столь широкие ретроспективные обобщения и перенесение реалий XIX–XX вв. на более ранние эпохи едва ли оправданы. Конечно, «поборники старины» середины XVII в. в известной мере были революционерами, и в Аввакуме нет ничего от Стоглава, но зато уже просматриваются черты интеллигента. С другой стороны, западник Пётр Великий при всей своей любви к передовому регулярному государству прибегал и к традиционным опричным методам. Однако именно он обеспечил России будущее, и только в этой императорской России могли бы со временем возникнуть ростки «гражданства».